

Планка высоты

Отрывки из воспоминаний

В избе было холодно. Согреться можно только на кирпичной печи, когда мама топила её дровами и готовила еду. Но сытость – редкое ощущение. На всю жизнь запомнилось, как в лютый мороз в сенцах слышались голоса, со скрипом отворилась занавешенная кошмой дверь, в избу ввалились клубы мороза с паром и много мужиков вместе с отцом с разделанной тушей. Лося подстрелили на охоте. Была еда – мясо, много еды и шумное застолье.

Мой отец Пётр Алексеевич Шестаков занимался в артели то ли счетоводством, то ли был писарем, секретарём. Семья наша жила под надзором комендатуры на спецучёте. В документах тех лет указано, что находились в Дмитровском исправительно-трудовом лагере 10-го района. В 1930 году, когда отцу было всего 15 лет, дедову семью сослали на Васюган. В Новосибирске погрузили на баржу, и по Оби буксир потащил её на север. Берёзовка, Жёлтый Яр, Курултай. С началом войны моих родителей реабилитировали, но отца на фронт не взяли, хотя он писал заявление в армию. Я родился в 1939 году, а моя сестра Валя и брат Гена – уже в войну, в той же тайге, но в реабилитированной семье, и в отличие от меня, выходя на пенсию, льгот не получили.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

В мае победного 45 года из тайги мы отправились в Томск. Сначала добрались до Каргаска, несколько дней, ожидая парохода, жили у деда с бабкой (родителей отца) на улице Октябрьской напротив рыбзавода.

Пароход назывался «Пролетарий». Было уже тепло, и мы, детвора, бегали по всем палубам. На лицах всех пассажиров и членов команды судна светились радостные улыбки. Война кончилась.

В Томске узлы и чемоданы погрузили на телегу и следом за ней отправились в гостиницу «Северная» на улице Ленина. Поклажу сдали на хранение на гостиничный склад, а сами поселились в гостиницу, пока отец будет определяться с работой и жильём.

Не прошло и месяца, как ему выделили квартиру – 16 «квадратов» в полуподвале на Буяновском переулке. Но со склада туда перевозить было нечего. Всё, чем пользовались в тайге – бельё, одежду, домашнюю утварь – украли. Мама рыдала, как жить-то теперь будем, а мы, дети, её успокаивали, не понимая значения вещей.

У нашей новой соседки тёти Кати Соколовой, жившей за стенкой из крепких досок, муж погиб на фронте, она одна поднимала на ноги пятерых детей, но поделилась с нами чем могла. Витька и Толька Соколовы были мне почти сверстниками, и мы подружились. Запросто ходили друг к другу в гости, делились последним. Жили дружно, свободно, без зависти, как одна большая семья.

Как старший сын, я должен был до школы сходить в магазин отоварить хлебные карточки. Мама нянчилась дома с младшими детьми. В магазин «Колокольчик» на улице Горького задолго до открытия выстраивалась огромная очередь. В основном – старики и дети. Когда

продавщица отворяла дверь, то мальчишки, в том числе и я, пытались пролезть к прилавку первыми, между ног или по головам, старики скандалили, но из магазина не выкидывали.

Хлеб отпускали строго по весу, довешивали отрезками, кусочками, я получал свою долю и бегом домой, разрешалось съесть только маленький довесок (если такой бывал), ведь едоков в семье было много. Особенно туго приходилось зимой, холодно, одежонка на «рыбьем меху». С реки постоянно дул ледяной ветер. Лицо закрывал руками или просто пятился задом. Однажды так угодил под лошадь, вывозившую сани из конюшни. Отделался синяками, возница сильно ругался, но дома про это не узнали.

В семье хлеб делился всем поровну. Чтобы его быстро не съесть, мы с соседским пацаном Витькой выносили свои пайки в сенцы на мороз и, глотая слюну, ждали, когда он совсем застынет и можно будет потом его обсасывать. Пока хлеб замерзал, мы постоянно выбегали в сенцы проверить готовность продукта и заговорщицки сообщали друг другу об его состоянии.

Кровать была только у родителей, а все дети и гости из приезжих ночевали на полу. От блох спасались тем, что клали под головы сушёную полынь. Одежда переходила от старших детей к младшим и занашивалась до дыр. Вместо обуви – вязаные носки с галошами.

В 1953 году отец ушёл к другой женщине. От его зарплаты остались крохотные алименты. Мама пошла работать продавцом в магазин на базарчике по Московскому тракту.

Я как раз заканчивал седьмой класс, а в старших классах обучение было платным. Деньги пусть и небольшие, но у нас никаких не было. Учился я хорошо, и классная руководительница настояла, чтобы я пошёл в восьмой класс. Она договорилась с директором школы, чтобы плату за мою учёбу можно было вносить частями, в рассрочку.

Одноклассник предложил пойти вместе с ним в индустриальный техникум на специальность «разработка полезных ископаемых». Вступительных экзаменов было пять. Я успешно сдал четыре, осталась одна география. Но на экзамен я опоздал, с ребятами купался на Томи и потерял счёт времени. Экзамен можно было пересдать у преподавателя на дому, географию я знал хорошо, но постеснялся и не пошёл.

Деньги на школьную учёбу старался заработать сам. Помогал соседу-печнику в разборке и кладке печей – замешивал раствор, чистил старые кирпичи. За это он меня кормил, а заработок отдавал матери. Потом на пивзаводе вычищал склады, клеил этикетки, разгружал ячмень с вагонов. Там уже бухгалтерия переводила мой заработок школе.

На подростковые забавы времени тоже хватало. Летом главным развлечением было купание на речке. Коммунального моста через Томь ещё не было, вместо него был понтонный. Нырять с него в воду было особой удачей. Охранники на нас кричали, но не ловили. Ещё мы бегали по плотам, формирующимся на лесопромышленный комбинат на Черемошники. Конечно, это было опасно, но кто из нас тогда чего-то боялся?! Жизнь казалась вечной, а здоровье – безграничным.

БЫСТРЕЕ, ВЫШЕ, СИЛЬНЕЕ

Какое-то организующее начало в нашу бесшабашную жизнь вносил спорт. Прежде всего футбол. Мяч мы гоняли, сколько себя помню. Но иногда лучшие игроки объединялись в одну уличную команду и шли на Басандайку. Там было несколько пионерских лагерей, и мы предлагали пионервожатым провести товарищеский матч между сборной пионерлагеря и нашей командой. Чаще выигрывали, но иногда проигрывали. Зато вкусным обедом в лагерной столовой нас кормили всегда. На отдыхающих по путёвкам ребят мы смотрели, как на небожителей, с другой планеты.

В то время очень популярной была игра в хоккей с мячом. В каждом спортивном обществе («Динамо», «Спартак», «Трудовые резервы»), вузе, военном училище, на заводе была своя команда. В русский хоккей играли и на «Почтовом» (в Северске), в Колпашево и Асино. По области набиралось больше 20 команд.

Теперьшний стадион «Труд» тогда назывался «Медиком» и при нём была одноимённая команда. Но состояла она в основном из старшеклассников нашей школы – нынешнего лицея № 8. В неё меня приняли в восьмом классе.

А главным городским стадионом в ту пору был стадион «Динамо». Он располагался на центральной площади. Тогда она называлась площадью Революции, а теперь ей возвращено историческое название – Новособорная. Сразу за трибуной, откуда руководители области принимали демонстрации трудящихся на 7 ноября и 1 мая, был вход на стадион в виде арки, как в городской парк, только она сверху была украшена гипсовыми скульптурами спортсменов. Через год я перешёл в «Динамо». Этот стадион стал для меня вторым домом. На каток хоккеистов пропускали бесплатно, мы даже пользовались директорским кабинетом как раздевалкой. Здесь же крутили пластинки с музыкой и песнями и через громкоговоритель передавали для посетителей катка. Нас даже тренировал профессиональный тренер – венгр по национальности с фамилией Зубач.

У него я научился быстро набирать скорость на коньках, что потом даже выигрывал соревнования среди конькобежцев на короткие дистанции. Довелось даже поиграть за сборную области. В её составе выступал на турнирах в Красноярске, Новосибирске и Кемерово.

Хоккей сделал меня сильным и выносливым. И когда в 18 лет меня призвали в военкомат, то после прохождения медкомиссии мне предложили пройти ускоренные вечерние курсы по военной специальности «пилот» на самолёте «ЯК-18» в Томском аэроклубе. Какой бы парень отказался от такого предложения?!

Теоретические занятия проходили в двухэтажном здании на Воскресенской горе, где сейчас находится Музей истории Томска. Рядом с аэроклубом стояла десятиметровая тренажёрная вышка. На ней мы отрабатывали навыки прыжков с парашютом. Хотя комплекция у курсантов была разная, но противовесы использовались одни и те же. Приземление на мёрзлую землю с такой высоты было неприятным. Нас буквально замучили этими прыжками.

Пока один здоровенный курсант, работавший стропальщиком на железнодорожной контейнерной площадке, не разорвал при прыжке трос, удерживающий контур груза. Вся

амортизация развалилась. Инструктор, посоветовавшись с начальником аэроклуба, заявил, что совершённых прыжков уже достаточно, и мы теперь допущены к прыжкам с самолёта.

Свой первый прыжок с самолёта я совершил на лётное поле на зимнем аэродроме аэроклуба в районе кирзавода. Между Иркутским трактом и улицей Смирнова ещё не было никакого жилищного массива, одно чистое поле, ангар да стоянка для самолётов.

На лётных сборах я попал в звено инструктора В. Мартемьянова. Он потом стал чемпионом мира по высшему пилотажу.

Свой первый ознакомительный полёт с инструктором я запомнил на всю жизнь. На «ЯК-18» Мартемьянов выкручивал в небе такие финты, что у меня возник комплекс неполноценности: казалось, так не смогу никогда. Но инструктор рассмеялся, услышав мои сомнения, похлопал по плечу и заверил, что терпение и труд всё перетрут.

У него был настоящий наставнический талант. Мартемьянов умел просто и доходчиво донести до каждого курсанта сложные премудрости лётчицкого мастерства. Будь то набор высоты, горизонтальный полёт, планирование, взлёт, посадка, развороты, уборка и выпуск шасси. Когда пришло время самостоятельных полётов и кто-нибудь из курсантов поднимал в небо самолёт, инструктор подробно разъяснял оставшимся на земле членам звена ошибки, совершаемые в полёте, и как их избежать.

За время обучения я в общей сложности налетал на «ЯК-18» более 70 часов, совершив 303 полёта, из них больше половины – самостоятельно. Наше звено стало лучшим в аэроклубе, а я занял второе место среди курсантов (подвело приземление). Но общая оценка за лётную практику была «отлично».

После сборов приехали «покупатели» из военных училищ, выпускников аэроклуба вновь отправили на строгую медицинскую комиссию. Мне диагностировали искривление носовой перегородки (следствие травмы футбольным мячом). Врач утешал, что, дескать, можно сделать операцию и поступить в вертолётное гражданское училище, но после полётов с Мартемьяновым вертолётчиком я становиться не хотел.

После поступления в институт мне выдали военный билет с учётной специальностью «пилот».

А в хоккей я всё продолжал играть за команду Карандашной фабрики. Мы были неоднократными чемпионами области по хоккею с мячом и за лидерство боролись с «почтовским» «Янтарём». По хоккею с шайбой успехи нашей команды были не столь впечатляющими. Там фаворитами были студенческие команды.

Если бы не начальник Управления механизации Владимир Павлович Федько, в подчинении которого я работал мастером на участке башенных кранов, не отпустивший меня на сборы и поставивший перед выбором: или спорт, или работа – я бы играл ещё. Но совмещать хоккей, работу и учёбу на вечернем отделении Строительного института было уже невозможно.

ВЫСОТА СТРОЙКИ

На стройку я пришёл по комсомольской путёвке. Причём вышло это случайно. В моём аттестате была только одна пятёрка – по физкультуре. Поступить сразу в институт с такой

успеваемостью мог только спортсмен. Тренер хоккейной команды Института инженеров железнодорожного транспорта Ким обещал похлопотать за меня, но не получилось. И я на общих основаниях подал документы на дорожный факультет строительного института, но на экзаменах завалил сочинение. Позвали играть за команду манометрового завода, и я уже практически оформился на работу инструментальщиком в цех, но встретил на улице своего одноклассника, и он уговорил меня пойти с ним в горком комсомола. Романтика и жажда высоты перебороли в моей душе благоразумного спортсмена. На следующий же день я вышел на работу в комсомольско-молодёжную бригаду каменщиков в Строительное управление УНР-787 Стройтреста № 97, потом его переименуют в СУ-13 треста «Жилстрой».

Одноклассник не выдержал тяжёлой физической работы и в первую же холодную зиму уволился, а я вот остался на стройке на всю жизнь.

Посёлок Строителей по улице Колхозной и Льва Толстого. Мы строили двухэтажные общежития из шлакоблоков. В бригаде – лишь пятеро профессиональных каменщиков, остальные 20 – парни, не поступившие в вузы. Старожилы спешили до морозов возвести стены первого этажа, чтобы потом студёный ветер не задувал костёр, у которого грелись всей бригадой. Кладку я освоил быстро, а ещё – работу на подъёмнике «Пионер» для подачи строительных материалов на второй этаж. На строительстве второго общежития по улице Лебедева я в качестве помощника машиниста уже осваивал башенный кран: подавал каменщикам блоки на поддонах и раствор в банках. У крана был один недостаток – не работал механизм передвижения, и чтобы передвинуть его, приходилось всем брать в руки ломы и засучивать рукава.

Весной меня отправили в учебный комбинат Минстроя в Красноярск на курсы машинистов башенных кранов. Экзамены и практику сдал на «отлично», и мне присвоили высший разряд крановщика.

Меня определили на башенный кран на пересечении улиц Герцена и Советской, где строился жилой дом для сотрудников университета. Потом был дом по улице Осипенко для работников Завода режущих инструментов. Жилмассив по улице Кирова напротив завода «Сибэлектромотор», школы №№ 50 и 51, Пединститут, жилые дома по улице Елизаровых и переулку Нахимова. В одном из них на Нахимова, 4 в 1963 году нашей семье выделили однокомнатную квартиру.

Кабина башенного крана стала для меня вторым домом. Находясь на высоте птичьего полёта, я повторял про себя теоретические постулаты, полученные в аэроклубе, а затем и в строительном институте, в который я всё-таки поступил на вечерний факультет по специальности «строительно-дорожные машины и оборудование предприятий стройиндустрии».

12 апреля 1961 года мы демонтировали кран на объекте по улице Кирова, 54. Вдруг из рядом стоящего общежития вывалила толпа радостных студентов. Они обнимались и громко скандировали: «Юрий Гагарин – в космосе!». Неопишуемая радость переполняла сердца людей. Толпы вышли на улицы. Лица всех светились. Началась новая, космическая эра. И наш

советский космонавт первым открыл её. Мы гордились своей страной. Наверное, так было только в День Победы.

В ноябре 1963 года все краны и другие крупные механизмы были переданы во вновь создаваемое Управление механизации, сокращённо – УМ. В этой организации я стал инженером-механиком.

Я отвечал за работу всех механиков на строительстве свинокомплекса. Приходилось отчитываться даже перед Егором Кузьмичом Лигачёвым, каждую неделю лично проверявшим этот объект. Был ответственным за бесперебойную круглосуточную работу автокранов на зимнике, обеспечивая доставку строительных материалов и техники на объекты Стрежевого, Пионерного и Кедрового. В начале 1983 года я был переведён в Томское территориальное управление строительства на должность главного механика. Потом менялись только названия этой организации (Главтомкстрой, ТСО «Томкстрой», СПО «Томкстрой», госпредприятие «Томкстрой», АО «Томкстрой», ОАО «Томкстрой»), мои же обязанности оставались неизменными.

За 17 лет работы главным механиком главка пришлось познакомиться со многими людьми от рабочих до руководителей Минстроя СССР практически всего необъятного Советского Союза. Со многими коллегами сложились тёплые дружеские отношения в Красноярске, Кемерово, Новосибирске, Барнауле, Йошкар-Оле, Кургане, Уфе, Ульяновске, Ташкенте, Калининграде, Челябинске, Свердловске... Меня всегда тянуло к спокойным, вдумчивым профессионалам, умевшим организовать работу со знанием дела, без шума и крика. Таким, как бригадир каменщиков Вальгер, с которым я познакомился на строительстве школы за пединститутом ещё 60 лет назад. А карьеристы и горлопаны, особенно – унижавшие людей ради карьеры, выгоды или просто ощущения собственного величия, моим уважением не пользовались никогда. Это были люди другой породы, с другими ценностями. По-человечески мне их было просто жалко. Ведь, унижая других, они не замечали, что тем самым унижают себя. Падают в грязь лицом, теряют собственное достоинство. Понижают свою человеческую планку высоты.

ОДНАЖДЫ И НА ВСЮ ЖИЗНЬ

С будущей женой я познакомился тоже на стройке. В 1959 году на площади Кирова возводили инженерно-проходной корпус электротехнического завода. На площадку привезли в самосвале россыпные кирпичи. А разгружали их, сортировали и складывали в поддоны женщины. Среди разнорабочих было много молодых девушек. Из кабины крана все они были передо мной как на ладони. Вот я и заметил одну – симпатичную и скромную. Однажды набрался смелости и подошёл познакомиться.

Её звали Таисьей. Она была родом из деревни Успенка Первомайского района. Жила в общежитии в городке строителей, которое я строил. Мы стали встречаться. После работы и в выходные. Водил её на хоккей, она стала заядлой болельщицей за нашу команду. Познакомил её со своими друзьями, с братьями, а потом и с мамой.

Глядя на меня, Таисья выучилась на машиниста башенного крана и устроилась на полигон Завода железобетонных изделий в конце улицы Фрунзе. Работала она в две смены. И, чтобы встречать её после работы, я купил в рассрочку в магазине «Динамо» на площади Батенькова мотороллер «Вятка». Когда стали готовиться к свадьбе, эту колёсную технику пришлось продать.

Летом 1960 года я взял на работе отпуск и вместе с Таисьей поехал на её родину знакомиться с новой роднёй. На поезде до Асино, а затем через два парома на попутке. Только так в то время можно было добраться до её деревни.

Родители моей избранницы оказались простыми и радушными деревенскими жителями. Кроме Таисьи у них было ещё четверо детей: два сына и две дочери. Они сразу приняли меня как родного. Я настолько естественно влился в их семью, что казалось, будто прожил с ними всю жизнь. Участвовал в покосе, ходил за ягодой, гулял на торжествах у родственников, рыбачил. Отпуск пролетел незаметно, как один день. До переправы через Чулым нас подвезли на конной телеге, а дальше на попутной машине доехали до Асино. В Успенке мы с Таисьей объявили, что на Октябрьские праздники сыграем свадьбу.

Рождение новой семьи начали праздновать 7 ноября в Томске с друзьями, а на следующий день все поехали на продолжение в деревню. На поезде, в переполненных вагонах. От Асино до Успенки шли пешком с тяжелеными сумками. Чулым только-только замёрз, и реку переходили ночью по тонкому льду, растянувшись в длинную цепочку. Было очень холодно, да и лёд зловеще потрескивал под ногами. Но обошлось. Зато назавтра на нашей свадьбе гуляла вся Успенка.

Первое время мы жили вместе с моей мамой. Сестра тоже вышла замуж, и трём семьям на 16 «квадратах», конечно, было тесно. К новому, 1961 году наше Строительное управление для молодых семей построило бараки на Степановке с печным отоплением. И в одном из них нам с Таисьей выделили комнату целых 18 квадратных метров. В нашей секции жило ещё 10 семей. Все – строители из одной организации. Печку топили обрезками досок со стройки. Их хранили в сарайках рядом с баракком.

Один сосед, тоже крановщик, даже держал в этом сарае поросёнка. В то время власти уже запретили заводить горожанам скот, за исполнением указа строго следила милиция. Но поросёнок оказался горластым, и своим визгом выдал себя. К соседу пришёл участковый и сделал предупреждение. Однако до октябрьских праздников горлопана удалось додержать. На праздничный обед соседи пригласили нас на свежатину.

В бараке в то время был единственный телевизор, он принадлежал плотнику из нашего СУ. Вечерами мы всей секцией смотрели телевизионные передачи, расположившись по углам комнаты радушного хозяина, или из барачного коридора.

После каждого просмотра плотник накрывал этот телевизор деревянным коробом и замыкал на замок, его подрастающий сынишка уже начал осваивать плотницкое ремесло и молотком колотил по всему, что попадалось под руку, и только телевизор оставался недоступным.

57 лет мы прожили с Таисьей, испытав все превратности житейской судьбы. Воспитали замечательных детей: дочь Елену и сына Виктора. Вместе построили дом в посёлке Апрель. Большую часть работ делали сами. Жена всю жизнь проработала на стройке, освоила много рабочих специальностей. В основном в СУ-13, а на пенсию вышла в 1994 году с должности бригадира в РСУ Манометрового завода. Была занесена на Доску почёта Кировского района, неоднократно становилась отличником социалистического соревнования Министерства строительства СССР. Награждена медалью «За доблестный труд».

Уже идёт пятый год, как не стало моей Таисочки. Но надо жить дальше, скоро весна. Снова зацветет её любимая антоновка, а потом и розы, которые она выписывала из разных мест. Буду продолжать выращивать то, что тебя, моя хорошая, радовало. Ты ведь наказывала помогать детям, внукам. Должен жить для них.